Лазуркина Ольга Валентиновна,
заместитель директора, учитель
МБОУ «Гимназия №46»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПОДГОТОВКА ОБУЧАЮЩИХСЯ К ОЛИМПИАДЕ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация: *в статье рассматривается интертекстуальный анализ текста как олимпиадное задание по литературе и способ работы с одарёнными обучающимися. Раскрыто понятие интертекстуальности и её проявления на разных уровнях текста. Приведены классификация З. Я. Тураевой и перечень интертекстуальных элементов. На примерах произведений И. Бродского, И. А. Бунина, А. П. Чехова и А. И. Слаповского показано, как межтекстовые связи формируют новые смыслы и обеспечивают диалог с литературной традицией. Подчёркнута роль читателя, его памяти и смысловой стратегии текста. Сделан вывод, что работа с интертекстом развивает самостоятельность мышления и способствует личностному росту ученика.*

Ключевые слова: *интертекстуальность, интертекстуальный анализ, олимпиадные задания, одарённые обучающиеся, цитата, аллюзия, реминисценция, эпиграф, претекст, диалог культур, читательская стратегия.*

В последние годы стремительно растёт число участников олимпиад, поэтому необходима квалифицированная, интересная система подготовки мотивированных обучающихся.

Известно, что олимпиада выявляет одарённых (высокомотивированных) детей, но главное – способствовать творческой деятельности обучающихся. С каждым годом всё чаще в олимпиадных заданиях по литературе (на разных этапах) встречаются задания по анализу предложенного текста. Хотелось бы более подробно поговорить об интертекстуальном анализе текста.

Интертекстуальность (далее – И.) – термин, введённый в 1967 году французской исследовательницей и психоаналитиком Ю. Кристевой (р. 1941) для

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

обозначения текстовых свойств, выражающихся в наличии между текстами связей. При этом тексты (или их части) могут разными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. Адресат (читатель) должен воспринять интенции автора и проявить творческую активность. Текст, к которому обращается читатель, вызывает у него определённые «ожидания», обычно обусловленные знаниями проблематики, композиции и типовых характеристик текста, продиктованных прежде всего его жанром. Дальнейшее же «истолкование» обычно связано с развёртыванием образов, повторами, последовательностью и сочетаемостью разных языковых средств. Художественный текст связан с другими текстами, отсылает к ним или вбирает в себя их элементы. Эти межтекстовые связи влияют на его смысл или даже определяют его.

К примеру, если вчитаться в стихотворение И. Бродского «На смерть Жукова» («Вижу колонны замерших внуков…»), то становится очевидным, как поэт ассоциирует и преобразует его образы. Так, мотив бренности славы восходит к стихотворению Г. Р. Державина «Река времён…»; строки «Бей, барабан…» представляют собой, с одной стороны, автореминисценцию, с другой – отсылают к стихотворению Г. Гейне «Бей в барабан и не бойся беды» и в результате сближают образы полководца и поэта.

Интертекстуальные связи разнообразны и проявляются на разных уровнях текста – звуковом, семантическом, структурном, идейном, композиционном, сюжетном. Исследователь З. Я. Тураева предлагает несколько классификаций интертекстуальности, учитывающих:

− степень связанности текста и прототекста (глобальная связь или частное соответствие);

− соотнесённость «чужого слова» со словесными текстами или другими знаковыми системами (живопись, скульптура, музыка, фольклор);

− связь интертекстового элемента с предметным миром (по типу иконического знака);

− общность персонажей.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Интертекстуальность можно рассматривать с двух позиций – читательской и авторской. С точки зрения читателя, способность выявления в том или ином тексте интертекстуальных ссылок связана с текстами: например, цитирование, текстовая аппликация, текстовая аллюзия, парафраз текста, реминисценции, цитаты, эпиграфы, крылатые слова. Различные проявления интертекстуальности известны с незапамятных времён, её теория складывалась главным образом в ходе исследования художественной литературы. Но в действительности сферы её бытования много шире. Во-первых, она присуща всем словесным жанрам, а не только изящной словесности. Во-вторых, интертекстуальность имеет место не только в текстах словесных, но и между произведениями изобразительного искусства, архитектуры, музыки, театра, кино.

Любой текст рождается в коммуникации «автор – читатель» и отображает её: в нём учитывается возможная точка зрения адресата, используются различные средства воздействия на него, моделируется его образ. Однако любой текст или высказывание не существуют изолированно, вне связи с другими. Они часто возникают как отклик на уже существующее литературное произведение, как реакция на него, ответная «реплика». Текст включает и преобразует «чужое» слово, приобретая при этом множественный смысл. Так, в прозу рассказа И. А. Бунина «В одной знакомой улице…» вплетены цитаты из стихов Я. П. Полонского, которые служат импульсом для монолога-воспоминания: чужие стихи вековой давности становятся интимным дневником героя. Текст одновременно выступает как «конденсатор культурной памяти» и как «генератор новых смыслов» (Ю. М. Лотман) в результате преобразования цитат, диалога с литературной традицией, новых комбинаций уже известных в истории культуры элементов.

Межтекстовое пространство, объединяющее претексты (тексты-предшественники) и «новый», «младший» текст, понимается достаточно широко: оно включает не только собственно тексты литературных произведений, но и устойчивые жанровые формы, сюжетные схемы, образы и образные формулы, «чужие» высказывания, связанные с тем или иным культурным кодом. Так, в пьесе А. П. Чехова «Вишнёвый сад» в речи Прохожего смешиваются Надсон и

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Некрасов, используются ключевые для народничества цитаты из произведений этих поэтов. Симеонов-Пищик вульгаризирует Ницше. «Любовный треугольник слуг» Яша – Дуняша – Епиходов ориентирован на трио «комедии масок» Арлекин – Коломбина – Пьеро.

К элементам интертекстуальности в составе художественного произведения относятся:

1) заглавия, отсылающие к другому произведению;

2) цитаты (с атрибуцией и без атрибуции) в составе текста;

3) аллюзии;

4) реминисценции;

5) эпиграфы;

6) пересказ чужого текста, включённый в новое произведение;

7) пародирование другого текста;

8) «точечные цитаты» – имена литературных персонажей других произведений или мифологических героев, включённые в текст;

9) «обнажение» жанровой связи рассматриваемого произведения с текстом-предшественником и др. (Альми И. Л. Статьи о поэзии и прозе. Владимир, 1999).

Особый интерес вызывает интертекстуальный анализ текстов, где есть «пересечение и контрастное взаимодействие разных «текстовых плоскостей», размывание границ между ними, текстов, где авторские интенции реализуются прежде всего в монтаже и преобразовании разнородных элементов И.

Например, у современных драматургов такие мотивы, как слом дома и уход жильцов, трансформируются, а мотивы одиночества, иллюзорного счастья и несчастья остаются неизменными, так как герои не меняются. И чеховских героев, и героев современных объединяет способ их существования – за 100 лет он не изменился: они по-прежнему ничего не делают, но до хрипоты спорят о будущем страны. Мотив дома в пьесе Чехова показан через образ вишнёвого сада и раскрыт через символическую деталь ключей. У современного драматурга А. И. Слаповского (известного широкому читателю как автора сценария популярной комедии «Ирония судьбы-2») в пьесе «Мой вишнёвый садик» мы

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

видим в образе дома чердак. Чеховский образ вишнёвого сада в современной пьесе трансформируется в чердак. Мотив слома в пьесе Чехова также прослеживается в пьесе А. И. Слаповского (Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Изв. РАН).

Образы вишнёвого сада и чердака рушатся. Но А. И. Слаповский в своём произведении идёт дальше Чехова, пытаясь трансформировать мотив слома в мотив дальнейшего построения новой жизни. Этой связующей символической деталью является вишнёвое деревце, которое было сломано, но от него остался корешок, дающий надежду на возрождение «вишнёвого садика». Чеховский мотив гибели в пьесе «Мой вишнёвый садик» претерпевает трансформацию: преобразуется в мотив возможного возрождения. Так, показывая гибель целой эпохи, в которой «жили погано, но жили всё-таки хорошо», автор даёт читателю надежду на возрождение страны через деревце, корешок которого герои пытаются найти на разрушенном чердаке, чтобы «вишнёвый садик развести».

Предлагаемый подход обеспечивает новый способ чтения; каждая интертекстуальная отсылка – альтернатива: либо продолжать чтение, видя в ней лишь фрагмент, не отличающийся от других и являющийся частью его строения, либо обратиться к тексту-источнику, осуществив своего рода «интеллектуальный анамнез». Понимание роли интертекстуальных включений зависит не столько от эрудированности юного читателя, сколько от смысловой стратегии текста. Например, эпиграф к произведению побуждает читателя-старшеклассника использовать как свою память и знания, так и умение придать законченный смысл взятому из контекста фрагменту. Именно на читателя возлагается задача объяснить значение того или иного интертекстуального элемента, поэтому эпиграф предполагает ретроспективное прочтение и требует от читателя активного участия в выработке смысла произведения. Эпиграфы стимулируют мысль читателя, т. к. «представляют смысл текста в подвешенном состоянии и придают ему загадочность» (Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2007).

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Учителю-словеснику не стоит забывать о том, что интертекстуальные включения не навязывают какой-то определённый способ прочтения авторских текстов, не требуют от читателя-старшеклассника быть эрудитом, они лишь предлагают некие смыслы, которые он актуализирует по-своему. Интертекстуальность оставляет текстовые смыслы недостроенными, и читателю предстоит понять то, что сказано намёками, и на этой основе построить смысл прочитанного; она предполагает наличие сообразительного читателя, способного вслушаться в двойственное звучание текста. А также И. может сделать любителя книг партнёром в игре, которую она ведёт с его знаниями и памятью. Тогда литературная культура становится не признаком превосходства, а условием участия в игре. Интертекстуальность заставляет авторские тексты взаимодействовать между собой подобно деталям конструктора; она подталкивает читателя по-новому взглянуть на известные ему произведения.

Работа учителя с одарёнными детьми – это сложный процесс, требующий знаний в области психологии одарённых детей. Учитель в работе с одарёнными детьми должен стремиться не столько к тому, чтобы передать определённую совокупность знаний, сколько помочь ученикам делать самостоятельные выводы и открытия. Сотрудничество учителя и одарённого ребёнка ведёт к взаимному обогащению. Возможно, ребёнок не свяжет свою жизнь с литературой, но именно она может стать пространством для его личностного роста.

Список литературы

1. Альми, И. Л. Статьи о поэзии и прозе / И. Л. Альми ; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Владимир. гос. пед. ун-т. – Владимир : Изд-во ВГПУ, 1998. – 263 с.

2. Москвин, В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили / В. П. Москвин. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 168 с.

3. Фатеева, Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 1998. – Т. 57, № 5. – С. 25–38.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)